

СПОДВИЖНИК ДМИТРИЯ ДОНСКОГО

В. А. Кучкин

...В тот год морового поветрия в Москве не ждали. Беда пришла нежданно. Эпидемия началась вместе с весенней распутицей и половодьем рек. В середине марта 1354 г. в кремлевских соборах трижды служили панихиды. 11 марта от неизвестной болезни скончался митрополит Феогност, а через несколько дней умерли два малолетних сына великого князя Симеона Гордого. 26 апреля похоронили самого великого князя. А 40 дней спустя, не дожив четырех недель до своего 27-летия, умер его младший брат, третий сын Ивана Калиты, московский удельный князь Андрей Иванович. После него остались жена и маленький сын Иван. У вдовы князя Андрея Марии, дочери галицкого (Галича Мерского) князя Ивана Федоровича, вот-вот на свет должен был появиться ребенок. 15 июля 1354 г. у нее родился сын¹. Его назвали Владимиром.

Время рождения Владимира Андреевича совпало с периодом серьезных испытаний для Московского княжества. В середине XIV в. оно занимало территорию от верховьев Клязьмы на севере до Оки на юге, от р. Гжати на западе до левого притока Оки р. Цны на востоке. По современным представлениям, размер его был довольно скромным (он уступал, например, и довольно значительно, территории нынешней Московской области), но полтысячи лет назад Московское княжество считалось немалым. Его юго-западная часть, именно земли по левым притокам Оки — Лопасне и Наре, по правым притокам Пахры — Моче и Рожая, составляла удел Андрея Ивановича. Были в Московском княжестве и другие уделы, но не владение ими обеспечивало потомкам Ивана Калиты могущество и верховенство среди русских князей. В руках московского княжеского дома оказалась власть над обширными территориями великого княжества Владимирского, включавшего в свой состав, помимо стольного Владимира, еще Переяславль, Юрьев, Кострому, часть вологодских волостей, некоторые волости в Торжке и Волоке Ламском. Кроме того, московские князья управляли землями Галича и Углича. Впрочем, только Московское княжество было наследственным владением потомков Калиты. Остальными землями распорядился ордынский хан, который по своему усмотрению мог посадить во Владимир или Галич какого-либо другого русского князя. Однако угодный Орде Иван Калита сумел добиться того, что на эти столы сажали только его самого, а позднее их занимал Симеон Гордый.

Смерть митрополита Феогноста, бывшего надежным помощником московских князей в их борьбе за подчинение себе других княжеств Северо-Восточной Руси, скоропостижная кончина великого князя Симеона, его брата Андрея потребовали от правящих кругов Москвы летом 1354 г. решения самой главной задачи: сохранения за московской династией великого княжения Владимирского. Ведь на него могли претендовать и значительно усилившийся нижегородский князь Константин Васильевич, владения которого граничили с владимирскими землями, и тверские князья, потомки уже занимавшего владимирский стол Михаила Ярославича, казненного в Орде в 1318 г. по просям московского князя Юрия Даниловича. В союзе и тесном родстве с тверскими князьями был Ольгерд Литовский, давно зарившийся на северо-восточные русские земли.

¹ Обычно все перечисленные выше события датируются 1353 годом. Однако указание русских летописных сводов на то, что смерть великого князя Симеона произошла вскоре после пасхи («по Велицѣ дни»), заставляет принять дату 1354 г., а не 1353 год. В 1353 г. пасха праздновалась 24 марта, то есть за месяц с лишним до 26 апреля, когда умер Симеон. В 1354 г. пасха приходилась на 13 апреля, за 13 дней до дня смерти Симеона Гордого, что и объясняет летописную пометку о «Великом дне» в сообщении о кончине этого князя (см. ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Пггр. 1922. стб. 62; г. XVIII. Пггр. 1918, стр. 98).

В такой ситуации важно было заручиться поддержкой церкви, отвлеечь с помощью ее иерархов православных русских князей от язычника Ольгерда, но для этого надо было иметь во главе русской церкви единомышленника. Правда, в самом конце 1353 г., когда еще живы были митрополит Феогност и великий князь Симеон, они по совету с удельными князьями — братьями Симеона, большими боярами и вельможами московскими отправили в Константинополь пышное посольство просить патриарха Филофея поставить в русские митрополиты владимирского епископа Алексея. Был Алексей искушен и в догматах веры, и в хитросплетениях мирской политики. Происходил он от «славных и нарочитых (то есть знатных. — В. К.) бояр от страны Русская, от области Московская»², а его крестным отцом был сам Калита. Тесно связанный с московским великокняжеским домом, с верхушкой московского боярства, живший их интересами, Алексей в глазах сыновей Калиты являлся желанным кандидатом в митрополиты. Но в вопросе о преемнике Феогноста не все было просто. В конце 1352 г. константинопольский патриарх утвердил ставленника Ольгерда Романа, родом тверского боярина, митрополитом Литвы и Малой Руси. Создалась реальная опасность отторжения Киева и западных епископий от власти промосковского митрополита. Словом, и тут у московского правительства возникали заботы.

Наконец, для успешного решения общерусских задач необходимо было уладить собственные, внутримосковские дела, добиться большего единения княжеского дома. А оно оказалось под угрозой. И без того непростые отношения между членами московской княжеской фамилии усложнились после вступления в силу завещания Симеона Гордого. Потеряв в марте 1354 г. обоих сыновей-наследников, Симеон очень надеялся, что супруга вновь родит ему сына³. В предвидении такой возможности великий князь решился на шаг, который не имел прецедента и не повторялся московскими правителями позднее: весь свой великокняжеский удел он завещал жене Марии Александровне, по происхождению тверской княжне. Братьев же Ивана и Андрея Симеон заставил скрепить собственными печатами текст своей необычной духовной грамоты. Но Мария Тверская так и не принесла наследника, а через некоторое время после Симеона умер и Андрей. Положение изменилось. Московский княжеский дом стал по преимуществу домом вдовых княгинь. Единственным взрослым представителем мужского потомства Ивана Калиты оказался его второй сын Иван Красный. Но в его руках был небольшой по размерам звенигородский удел, выделенный ему еще отцом. Основными волостями Московского княжества распорядилась вдова Симеона Гордого Мария. Значительные территории были за вдовой Ивана Калиты великой княгиней Ульяной и под управлением вдовы Андрея княгини Марии Ивановны. В этой ситуации при поддержке части крупного московского боярства⁴ звенигородский князь действовал весьма решительно. Он занял великокняжеский московский стол и отобрал у Марии Тверской главные объекты ее владений: Коломну, а также Можайск с относившимися к нему волостями. Изменилось и положение удела Андрея Ивановича, который должен был принадлежать его сыну Ивану и ждавшей ребенка вдове Марии Ивановне.

22 июня 1354 г. на Московское княжество напали рязанцы. Причиной нападения явились захваты во времена Симеона Гордого московскими князьями и боярами пограничных рязанских земель. Когда Симеона не стало, рязанцы решили воспользоваться этим. По наущению своих бояр малолетний и «младоумный», как выразился летописец, рязанский князь Олег Иванович захватил Лопасню, которая входила в состав удела князя Андрея и граничила с территорией Рязанского княжества. Жители Лопасни были ограблены, а лопасненский наместник попал в плен. Им был тогда Михаил Александрович. Он принадлежал к числу самых видных московских бояр, о чем говорит его подпись на договоре Симеона Гордого с братьями, заключенном в 1348 году. На его дочери был женат сын московского тысяцкого Василий Велья-

² ПСРЛ. Т. XV. Вып. I, стб. 121. Здесь и далее цитаты из летописей и других источников даны в упрощенной орфографии.

³ М. Н. Тихомиров. Средневековая Москва в XIV—XV веках. М. 1957, стр. 197—198.

⁴ О влиятельной боярской партии, поддерживавшей Ивана Ивановича, см. С. Б. Веселовский. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М. 1969, стр. 213—214.

минов. Все это свидетельствует о том, что Михаил Александрович являлся великокняжеским, а не удельнокняжеским боярином. Его присутствие летом 1354 г. в Лопасне в качестве наместника было признаком того, что удел умершего князя Андрея также оказался под контролем великого князя Ивана Красного, очевидно, сажавшего в Андреевых волостях своих людей.

Укрепив свое положение внутри Московского княжества, Иван Иванович в остром соперничестве с Константином Нижегородским сумел получить в Орде ярлык на великое княжение Владимирское. 25 марта 1355 г. он был торжественно посажен на великокняжеский стол. Благополучно для московского кандидата был разрешен и вопрос о вакантной кафедре русской митрополии. После больших колебаний константинопольский патриарх утвердил Алексея в сане митрополита «Киевского и всея Руси».

Все это произошло незадолго до рождения и в первый год жизни князя Владимира. Будущее не сулило ему особо радужных надежд. В землях его отца распоряжался великий князь Иван. Сам Владимир был вторым сыном в семье. Старше его был брат Иван, которому со временем и при согласии великого князя должна была отойти большая часть отцовского удела. Владимира ждала участь мелкоземельного князька. Но в 1358 г. умер его брат Иван. А 13 ноября 1359 г. скончался Иван Иванович Красный. Положение Владимира изменилось.

В написанном перед смертью завещании великий князь, стремясь сохранить политическое «единачество» московских князей, признал Владимира единственным наследником владений его отца. Взамен разграбленной рязанцами Лопасни Иван Красный передал Владимиру Новый городок в устье Протвы. Кроме того, великий князь завещал своему племяннику третья часть московских судебных и торговых пошлин, такую же часть медового оброка и т. п. Это было больше, чем имел в свое время князь Андрей. Отцу Владимира принадлежала только четвертая часть названных доходов. По завещанию Ивана Ивановича Владимир наравне с сыновьями великого князя Дмитрием (будущим Донским) и Иваном ведал так называемых численных людей в Московском княжестве. Он получил также право участвовать в разделе владений великой княгини Ульяны — вдовы Ивана Калиты, когда они станут выморочными⁵. Не от родственного расположения и не от душевной щедрости увеличивал владения и доходы племянника великий князь Иван. Захватив значительную часть московских земель Симеона Гордого, сделав распоряжение в завещании о переходе волостей и сел вдовы Симеона Марии Александровны после ее смерти к своему старшему сыну Дмитрию, Иван Красный понимал, что в будущем претензии на часть Симеонова удела мог предъявить и Владимир Андреевич. Последний имел на них определенные права⁶. Закрепив в завещании за своим потомством земли Симеона, значительно увеличив уделы сыновей, великий князь во избежание будущих осложнений передал несколько волостей и доходов племяннику.

Столкновения удельных князей между собой и с великими князьями были характерной чертой того времени. Историки прошлого усматривали в удельных князьях только разрушительную силу, а сам период феодальной раздробленности на Руси объявляли «темным», наполненным «ничтожными распрями многочисленных властителей»⁷. Основания для подобной характеристики есть, но внимательное ознакомление с источниками показывает, что она не всегда и не во всем справедлива. И уточняет ее изучение деятельности Владимира Андреевича Серпуховского — одного из виднейших удельных князей русского средневековья.

⁵ «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.» (далее — ДДГ). М.-Л. 1950, № 4, стр. 15—16.

⁶ Выморочные или конфискованные владения членов московского княжеского дома должны были перераспределяться внутри фамилии. Иван Красный поступил по-иному. Весьма показательным, что уже в первом договоре 1366 г. между Дмитрием Ивановичем и Владимиром Андреевичем было специально оговорено отсутствие прав князя Владимира на бывшие земли великого князя Симеона: «А что мя благословил отецъ мой, князь великий Иван, уделомъ дяди моего, князя великого Семеновым, того ти не искати, тебе знати своя очина, а мне знати своя очина» (ДДГ, № 5, стр. 20).

⁷ Н. М. Карамзин. История государства Российского. Кн. 1, т. 2. СПб. 1842, стр. 39.

Абсолютно владения удельного князя Владимира выросли, но относительно великокняжеских земель они уменьшились. Домен великого князя рос быстрее. В этом проявилась одна из сторон процесса централизации в Северо-Восточной Руси в середине XIV века. На ранних его стадиях удельная система продолжала существовать, удельные князья даже расширяли свои владения с помощью великих князей, но могущество последних увеличивалось в гораздо большей степени. Только много позднее, когда Русь оказалась достаточно прочно объединенной под рукой московских князей, настала очередь удельных владетелей. Их земли ставились под контроль великокняжеской власти или вообще отбирались.

Смерть Ивана Ивановича вновь обострила проблему владимирского стола. За ярлыком на великое княжение в Орду отправился старший сын Ивана Красного Дмитрий. Но захвативший в начале 1360 г. власть в Орде хан Поуруз, памятуя непокорство Ивана Красного ордынским послам и видя московского князя «юна суца и млада возрастом», отдал ярлык нижегородскому князю Дмитрию Константиновичу. Московские князья и служившее им боярство потеряли власть над большой территорией со значительным населением. За владимирские земли предстояла борьба с Дмитрием Константиновичем. Здесь интересы всех представителей московского княжеского дома были едины. Но выступить против утвержденного ханом великого князя значило навлечь на себя гнев Орды. Однако Орда была уже далеко не та, что прежде. Внутренние смуты расшатали ее могущество. На протяжении 1360—1361 гг. на ордынском престоле сменилось 8(!) ханов, и в итоге монголо-татарское государство оказалось разделенным надвое. От Сарая откололась орда Абдуллаха, в которой главную политическую роль играл темник Мамай⁸. Междоусобицами в Орде и воспользовалось московское правительство. Летом 1362 г. послам Дмитрия Московского удалось получить у сарайского хана Мюрида ярлык на Владимирское великое княжение для своего князя. Однако Дмитрий Нижегородский не уступал. Тогда зимой 1362 г. московская рать подошла к стенам Переяславля — второго по значению города Владимирского княжества. Пробывавший там Дмитрий Константинович бежал, и великокняжеский стол перешел к Москве. Вся владимирская территория была объявлена собственностью («отчиной») московского князя.

В переяславском походе, указывает летописец, участвовали «князь великий Дмитрий Иванович с своею братнею с князем с Иваном Ивановичем и с князем Володимером Андреевичем и со всеми бояры»⁹. Поход 1362 г. был первым политическим актом, в котором принял участие князь Владимир. Ему исполнилось 8 лет. Конечно, не Дмитрий, Владимир и Иван столь удачно выбрали момент для борьбы за великое княжение. За их спиной стояло умудренное опытом московское боярство. Оно руководило помыслами своих князей, оно стремилось к распространению их власти на другие территории. Психология такого боярства хорошо раскрывается одной фразой XVI в.: «Послужим государю малу, а от великого честь примем, а по нас и дети наши»¹⁰. В XIV в., когда дело шло об устранении инокняжеских линий в борьбе за верховенство на Руси, московского государя поддерживали не только его собственные бояре, но и удельное московское боярство во главе со своими князьями. К числу таких удельных князей принадлежал и Владимир Андреевич.

В 1363 г. Владимир вновь принял участие в военном походе. На сей раз его полки вместе с полками братьев ходили на окраину северо-восточных русских земель, на Галич Мерский, откуда родом была мать Владимира. Галицкий князь был изгнан из своих владений, его княгиня попала в плен, а княжество присоединено к Москве. И в дальнейшем Владимир действовал заодно со своим старшим по возрасту и положению двоюродным братом¹¹. Когда в конце 1365 — начале 1366 г. обострились московско-тверские отношения, то, как отметил московский летописец, «князь великий Дмитрий Иванович, погадав с братом своим с князем с Володимером Андреевичем и

⁸ В. Л. Егоров. Развитие центрбежных устремлений в Золотой Орде. «Вопросы истории», 1974, № 8, стр. 45—49.

⁹ ПСРЛ. Т. XV. Вып. I, стб. 72; т. XVIII, стр. 101.

¹⁰ ПСРЛ. Т. VIII. СПб. 1856, стр. 298.

¹¹ Второй сын Ивана Ивановича Красного Иван умер 23 октября 1364 года (ПСРЛ. Т. XV. Вып. I, стб. 76, 78).

со всеми бояры старейшими и сдумаша ставити город камен Москву»¹². Очевидно, Владимир Андреевич, как совладелец Москвы (ему принадлежала московская треть), помог средствами и людьми возвести каменные стены города. С момента подчинения Руси монголо-татарам это был первый случай строительства каменной крепости на Северо-Востоке. Укрывшись за прочным оборонительным заслоном, московские князья почувствовали себя гораздо увереннее. Враждебно настроенный к Москве тверской летописец записывал: «Того же лета на Москве почали ставити город камен, надеяся на свою на великую силу, князи Русьскыи начаша приводити в свою волю, а которыи почал[и] не повиноватися их воле, на тых почали посягати злобою»¹³. Хотя здесь есть доля преувеличения, но несомненна и доля истины.

«Приведению в свою волю» русских князей предшествовало письменное оформление союза между московскими князьями. Дмитрий и Владимир заключили между собой соглашение «быти... задин»¹⁴. Но это не был договор равноправных князей. Владимир считался младшим князем. Он должен был держать под Дмитрием «княженье мое (Дмитрия.—В. К.) великое чесно и грозно», помогать великому князю дипломатическими средствами и военной силой. Хотя братья действовали сообща, Дмитрий решительно подчеркивал принадлежность только ему великого княжества Владимирского («княженье мое великое»). Что же получал от такого союза Владимир Андреевич? Договорная грамота перечисляет обязательства, которые брал на себя великий князь в отношении удельного. Но касаются они главным образом соблюдения отчинных прав Владимира Андреевича на его московский удел и долю в московских доходах. Однако некоторые пункты документа показывают, что Владимир был непосредственно заинтересован в сохранении великого княжества Владимирского за своим двоюродным братом. В грамоте упоминаются бояре и слуги князя Владимира, владения которых находились на территории великого княжения. Поскольку Владимир никаких привилегий на эту территорию не имел, очевидно, он не мог жаловать там земли людям своего двора. Видимо, эти бояре и слуги приобретали села и деревни в великом княжестве на собственные средства. Но, поскольку они служили удельному князю, они обязаны были выступать со своими людьми в его войске, а в случае правонарушений платить судебные издержки в его казну¹⁵. По ряду признаков можно думать, что существовала практика взноса дани удельными боярами со своих владений на великокняжеской территории удельному князю. Все это и делало Владимира Андреевича заинтересованным в сохранении владимирской территории за Дмитрием.

Вскоре, однако, обнаружилось, что эта провозглашенная отчиной Дмитрия Московского земля является предметом воцелений тверского князя. Михаил Александрович, родной брат жены Симеона Гордого Марии, добился значительных успехов в объединении тверских земель. Существование сильного Тверского княжества не входило в расчеты московских правителей. Дмитрий и Владимир, а также усердно помогавший им митрополит Алексей стремились поддержать сепаратизм тверских удельных князей — противников Михаила. В итоге это привело к резкому конфликту, в который оказались вовлечены основные государства Восточной Европы. Заметную роль сыграл в нем и князь Владимир Андреевич.

Уже весной 1368 г., реализуя общие с великим князем Дмитрием планы, Владимир напал на захваченный Литвою г. Ржеву и взял его. После этого Михаил Тверской сумел уговорить своего зятя великого князя Литовского Ольгерда организовать поход на Москву. Поздней осенью 1368 г. вместе со смоленской силой литовцы и тверичи без какого-либо объявления войны скрытно подошли к юго-западным московским рубежам. Только тогда Дмитрий и Владимир узнали о нападении. Против

¹² ПСРЛ. Т. XV. Вып. I, стб. 83; т. XVIII, стр. 106. Необходимость в строительстве нового Кремля вызывалась также теми опустошениями, которые принес Москве грандиозный пожар летом 1365 года. Он надолго запомнился москвичам, его называли «великий пожар» (ПСРЛ. Т. XV. Вып. I, стб. 80; т. XVIII, стр. 104).

¹³ ПСРЛ. Т. XV. Вып. I, стб. 84.

¹⁴ Текст договора см. ДДГ, № 5, стр. 19—21.

¹⁵ А. Е. Пресняков. Образование Великорусского государства. Пггр. 1918, стр. 178—179; Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. Ч. I. М.-Л. 1948, стб. 43.

Ольгерда была послана рать, куда вошел и полк Владимира, но наспех собранные воины не смогли оказать серьезного сопротивления противнику. Враги прорвались к Москве. Дмитрий и Владимир укрылись в городе. Вот тут-то и сказались надежность новых каменных укреплений. Простояв трое суток под стенами Москвы, разграбив и предав огню все, что было поблизости, Ольгерд не смог взять город и вынужден был вместе со своими союзниками вернуться восвояси.

Между тем на дальних западных границах русских земель активизировались рыцари Тевтонского ордена. Их крупные силы во главе с магистром осадили псковскую крепость Изборск. На выручку псковичам пришли новгородцы. Рыцари отступили, но положение оставалось тревожным. И тогда, только что отсидев осаду в Москве, на помощь Новгороду и Пскову поспешил Владимир Андреевич. Эта миссия 14-летнего князя также была тесно связана с великокняжеской политикой Дмитрия Ивановича. Как правило, владимирского князя новгородцы признавали и своим князем. Правда, права великого князя в Новгороде были совсем не те, что во Владимире, они были существенно ограничены в пользу местных боярско-республиканских органов власти. Зато свои обязанности великий князь должен был исполнять строго. И первой среди них была защита новгородских земель от иноземных нападений. Эту функцию и должен был выполнить в 1369 г. вместо Дмитрия князь Владимир. Благодаря его миссии укрепился союз Новгорода с Москвой, очень важный ввиду враждебных отношений последней с Литвой и Тверью.

Впрочем, уже в 1370 г. Владимир снова в Москве. В том году Ольгерд Литовский вместе со своими союзниками опять напал на Московское княжество. На этот раз литовская, смоленская и тверская рати двинулись на Москву с запада, через Волоколамск. На своем пути Ольгерд жег села и деревни, а их жителей или грабил, или уводил с собою в плен. 6 декабря Ольгерд подошел к стенам Москвы. Дмитрий снова сел в осаду. Но Владимира с ним не было. По словам летописи, «князь Володимер Андреевич сбрався [с] силою, стояше в Перемышле, оплъчився»¹⁶. Перемышль — небольшое укрепление на р. Моче — был центром одноименной волости, которая являлась частью удела князя Владимира. Из скупого известия летописи явствует, что Владимир Андреевич сосредоточил свою рать на севере собственных владений. Из Перемышля можно было в один-полтора дневных перехода достичь московского Кремля, который осаждал Ольгерд. Литовского великого князя беспокоила угроза флангового удара, но он продолжал осаду. Между тем к Владимиру с рязанскими полками присоединился князь Владимир Пронский. А попытки Ольгерда взять Москву ни к чему не приводили. Безуспешно простояв под городом до середины декабря и узнав о соединении полков двух князей у Перемышля, литовский князь предложил мир, причем мир вечный. Дмитрий Московский согласился лишь на перемирие, которое и было заключено сроком на несколько месяцев. Чтобы подкрепить в будущем короткую передышку длительным соглашением, князья решили породниться: Владимир Андреевич должен был жениться на дочери Ольгерда Елене¹⁷. Ни жених, ни невеста ни разу не видели друг друга. В средневековье создание семьи князьями зачастую превращалось в чисто «политический акт, случай для увеличения своего могущества при помощи новых союзов»¹⁸.

Итогом, к которому пришли Ольгерд и Дмитрий Иванович, естественно, не мог быть доволен основной противник московских князей тверской великий князь Михаил. Его опора на Литву оказалась ненадежной, и он отправился за поддержкой в Орду. Там боялись усиления власти одного из русских князей. Принцип «разделяй и властвуй», хотя и не был сформулирован ордынскими правителями, на практике широко применялся ими. Весной 1371 г. Михаил Александрович вернулся на Русь с ханским послом и с ярлыком на великое княжение Владимирское. Но времена изменились. Несмотря на прямое повеление хана, Дмитрий не передал великого княжения Михаилу Тверскому. Московского князя поддержали боярство и горожане Владимирской земли. Активно содействовал Дмитрию в его споре с соперником и Владимир Андреевич. Во главе своих полков братья вместе стояли в Переяславле, пресекая всякие

¹⁶ ПСРЛ. Т. XV. Вып. I, стб. 94; т. XVIII, стр. 110.

¹⁷ ПСРЛ. Т. XV. Вып. I, стб. 94—95; т. XVIII, стр. 110, 111.

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 80.

попытки Михаила проникнуть в города Владимирщины и закрепиться в них. В течение двух с половиной лет тверской князь тщетно пытался распространить свою власть на территорию великого княжения. Иной раз ему удавалось ограбить такие города и волости, как Бежецкий Верх, Молога, Углич, Кистьма, Дмитров, Переяславль, Торжок, но, как сокрушенно заметил тверской летописец, «ко князю к великому к Михаилу так и не почали люди из городов передаватися»¹⁹.

Однако и положение московского князя не было достаточно прочным. Хотя осенью 1371 г. ордынцы, задобренные золотом и серебром, щедро розданным Дмитрием Московским, и дали ему ярлык на великое княжение, но и у Михаила великокняжеского ярлыка они не отняли. Чтобы возместить затраченные в Орде средства, великий московский князь обложил подвластное ему население повышенной данью. «Тягость даннаа», естественно, вызвала ропот и недовольство простых людей.

В этой сложной ситуации московские князья заключили между собой новое соглашение. Оно было оформлено, по-видимому, вскоре после свадьбы Владимира Андреевича и Елены Ольгердовны, сыгранной в начале 1372 года. Этот брак в известной степени усилил позиции Владимира, и он добился от великого князя определенных уступок в свою пользу. Дмитрий добавил к уделу Владимира несколько новых волостей на юго-западе Московского княжества в районе р. Протвы, а самое главное — отдал ему во владение Дмитров и Галич со всеми относившимися к ним волостями. В XIII в. оба эти центра составляли единое политическое целое, а в XIV в. стали столицами самостоятельных княжеств. Но представления о владельческом единстве Дмитрова и Галича не были забыты. Как внук галицкого князя по материнской линии, Владимир Андреевич имел на эти города некоторые права. Дмитрий Иванович, очевидно, учитывал данное обстоятельство. Передачей Дмитрова и Галича князю Владимиру он достигал известного компромисса между обособленностью местных центров и той централизаторской политикой, которую проводили в целом все московские великие князья. Кроме того, создавался дополнительный противовес стремлениям Михаила Тверского подчинить себе территорию великого княжества Владимирского, а также Дмитров. О намерениях Михаила в отношении последнего свидетельствовала его попытка захватить этот город весной 1372 года. Со своей стороны, Владимир еще раз признавал Дмитрия старшим князем; как и прежде, обязывался не претендовать на земли великого княжения и соблюдать исключительные права на них старшего сына Дмитрия Ивановича, всеми средствами помогать «найти» великое княжение двоюродному брату. Последнее означало, по-видимому, оказание Владимиром дипломатической и военной помощи Дмитрию в борьбе с Михаилом Тверским за ликвидацию каких бы то ни было прав последнего на великое княжение. Надобность в такой помощи возникла довольно скоро. Летом 1372 г. тверской князь взял и жестоко разграбил Торжок. Город этот принадлежал Новгороду Великому. Война между тверичами и новгородцами была на руку Москве. Но после падения Торжка ответных военных действий новгородцев почему-то не последовало. Тогда ранней весной 1373 г. в Новгород отправился Владимир Андреевич. Он пробыл там три с половиной месяца²⁰. Видимо, Владимир склонял новгородцев выступить против тверского князя, однако его уговоры не подействовали. Напуганные разгромом Торжка, новгородцы не решились начать войну. Вести о приходе Мамая на Рязанское княжество заставили Владимира вернуться в Москву.

С Рязанью у московских князей отношения складывались сложные. Повзрослевший Олег Рязанский то выступал в союзе с Дмитрием и Владимиром против Литвы, то начинал против них враждебные действия. В декабре 1371 г. очередной московско-рязанский конфликт закончился битвой у Скорнищева, в которой Олег потерпел поражение. В 1373 г. между москвичами и рязанцами царил мир. Когда же летом того года на Рязанское княжество обрушилась Мамаева орда, Дмитрий из Москвы, а Владимир из Новгорода поспешили на берега Оки. «Вся сила княжения великаго», как

¹⁹ ПСРЛ. Т. XV. Вып. I, стб. 98.

²⁰ Летописи сообщают о прибытии Владимира Андреевича в Новгород «по Зборе за неделю» и пребывании его там до Петрова дня. Все известие отнесено к 6881 г. («Новгородская I летопись» (ННЛ), стр. 372). Соборное воскресенье приходилось в 1373 г. на 6 марта; Петров день — это 29 июня. Следовательно, Владимир находился в Новгороде с 13 марта (через неделю после «Збора») по 29 июня.

выразился летописец²¹, расположившись вдоль реки, не допустила татар на московскую сторону. Однако рязанцам эта сила не помогла.

Разгром Рязани Мамаем напомнил русским людям о страшном Батыевом нашествии. Батый тоже начинал с Рязани. В 1373 г. полки Мамаю не смогли или не решились переправиться через Оку, но такая опасность в будущем не была исключена. Очевидно, в предвидении подобной угрозы князь Владимир Андреевич строит в 1374 г. Серпухов. Город был возведен на месте старого села Серпуховского, которым владел еще отец Владимира. Древнее поселение было обнесено дубовыми стенами, а поблизости от них основан Высоцкий монастырь, который в случае военного нападения мог сыграть роль предградия. Для того, чтобы город стал многолюднее, а следовательно, и обороноспособнее, Владимир, по словам летописи, «людом приходящим и гражданам, живущим в нем, и человеком торжествующим (то есть торгующим.— В. Н.) подает великую волю и ослабу и многу льготу»²². Основание Серпухова, прикрывшего один из важнейших путей со средней Оки на север к Москве и далее — в центральные районы Северо-Восточной Руси, имело важное значение не только для безопасности владений самого князя Владимира, но и для обороны других русских земель. Эта общерусская роль Серпухова ярко проявилась в последующее время, когда многие ордынские и крымские набеги XV—XVI вв. разбивались о его стены. По основанному им городу, ставшему центром удела, Владимир Андреевич и получил прозвище Серпуховского, хотя гораздо чаще и дольше он жил в Москве, чем в приокском городе.

В конце 1374 г. Владимир Серпуховский принял участие в съезде в Переяславле, на который «отъвсюду съехашася князи и бояре»²³. Этот созванный Дмитрием Ивановичем съезд русских князей (отсутствовали только князья тверского дома) был важной политической вехой в истории Северо-Восточной Руси. На съезде, по-видимому, стоял вопрос об отношениях с Ордой, которые все более обострялись²⁴. Можно думать, что уже в 1374 г. русские князья договорились о борьбе с Мамаем. Но для успешного противоборства с ним необходимо было сначала нейтрализовать его приспешника — тверского князя Михаила, который вновь начал претендовать на Владимирское великое княжение. На новом съезде весной 1375 г. князья приняли решение о совместном походе на Тверь. Он начался в конце июля 1375 года. Активное участие в нем принял и Владимир. Полки более двух десятков русских князей, а вместе с ними и повгородская рать, опустошили Тверское княжество. Сама Тверь была осаждена. Михаил Тверской, не получив ожидаемой помощи из Литвы и Орды, вынужден был канитировать. Московские князья продиктовали условия мира. Михаил до конца жизни отказывался от каких-либо притязаний на великое княжение. В случае войны Москвы с Литвой или Ордой он должен был выступить против них на стороне Дмитрия и Владимира. Это было крупным достижением московской дипломатии. Мамай и Ольгерд потеряли верного союзника.

Пока шла война с Тверью, ордынцы пограбили нижегородские волости, а осенью 1375 г. литовцы опустошили ставшее союзником Москве Смоленское княжество. В конце ноября — начале декабря того же года Мамаем был взят Новосиль. По после победы над Тверью противоборствовать с Ордой и Литвой стало легче. Осенью 1376 г. Владимир по приказу великого князя Дмитрия вновь осадил Ржеву. Осада продолжалась три недели, московские войска выжгли предместья, но самой крепости взять не смогли.

Мужавший серпуховский князь все чаще стал возглавлять общерусские военные операции. В конце 1379 г. Дмитрий снова посылает его восвать литовские земли. Предводительствуемые Владимиром полки взяли города Трубчевск, Стародуб Северский, в XIV в. входивший в состав Брянского княжества, «и ины многы страны и во-

²¹ ПСРЛ. Т. XV. Вып. I, стб. 104.

²² Там же, стб. 106—107.

²³ Там же, стб. 108; т. XVIII, стр. 115.

²⁴ Летом 1374 г. Дмитрий Иванович, по-видимому, отказался от реализации тех денежных «великих посулов», которые он обещал Мамаю в 1371 г. (там же. Т. XV. Вып. I, стб. 96, 106); в том же 1374 г. тестем Дмитрия нижегородским князем Дмитрием Константиновичем было частью перебито, частью захвачено в плен большое вооруженное посольство Мамаю.

лости и села тяжко плениша». Важным результатом этого похода было то, что брянско-трубчевский князь Дмитрий, сын скончавшегося к тому времени Ольгерда, порвал отношения со своим братом литовским великим князем Ягайлом. С семьей и близкими боярами Дмитрий Ольгердович приехал в Москву и дал клятву служить московскому великому князю. Дмитрий Иванович принял его в свою службу и отдал ему в управление «град Переяславль и со всеми его пошлинами»²⁵. Это случилось за несколько месяцев до Куликовской битвы.

Военные и политические успехи московских князей давно вызывали тревогу в Орде. «Русский улус» уходил из-под ханского контроля. Это особенно ярко продемонстрировала битва 11 августа 1378 г. на р. Воже, где возглавленные Дмитрием Московским полки русских князей наголову разгромили войско, посланное Мамаем на Русь²⁶. Ответную крупную операцию Мамай сумел подготовить только к концу лета 1380 года.

Слухи о движении рати Мамаея пришли на Москву в августе. Вскоре стало известно, что в створе с Мамаем находятся Олег Рязанский и Ягайло Литовский. В Москву по призыву великого князя Дмитрия снешно начали прибывать полки. Они шли из далекого Белоозера и Ярославля, из Суздаля и Владимира, Углича и Муром. Весть о приближении Мамаея застала Владимира Серпуховского в Боровске — одном из центров его удельных владений. Владимир со своим полком выступил к Москве. По прибытии войск в Москву Дмитрий сразу же направлял их на южный рубеж Московского княжества — к Коломне. С первой ратью отправился он сам. Несколько позже вслед за ним выступил Владимир. В Коломне был устроен смотр всем ратям и произведено «уряжение полчное», то есть собранное войско было поделено на боевые единицы. Владимир возглавил второй по значению полк правой руки. Между тем во время войны 1375 г. с Тверью Владимир в военном отношении был третьим после Дмитрия Ивановича и его тестя Дмитрия Нижегородского²⁷. Из Коломны русские рати двинулись к р. Лопасне и некоторое время стояли близ ее устья, собирая сведения о противнике. В одном из самых поэтичных намятников, воспевающих победу на Куликовом поле, — «Задонщине» — в художественной форме сохранилось известие о том, что сторожевые отряды стояли и в Серпухове: «Трубы трубят на Коломне, в бубны бьют в Серпухове»²⁸.

Благодаря свидетельству «Задонщины» полнее раскрывается замысел русских князей. Поскольку было неясно, как скоро Мамай двинется на Москву и когда смогут соединиться с ним его союзники, русские полки с максимальной быстротой заняли ключевые позиции по Оке, предупреждая переход противника на ее левый — московский — берег. Все броды через Оку от Коломны до Серпухова были перекрыты. Ока и приокские крепости, а среди них Серпухов, должны были сыграть важную оборонительную роль в отражении готовившегося нашествия. Когда русские князья узнали, что кочевавший в районе р. Воронеж Мамай собирается идти на Русь только осенью (а осень, по древнерусскому представлению о временах года, начиналась 25 сентября) и еще не соединился со своими союзниками, было принято смелое решение первыми напасть на него. Переправившись у Лопасни через Оку, русские полки устремились на юг. 6 сентября 1380 г. они достигли Дона. Здесь, у его притока Непрядвы, 8 сентября и произошла битва — «Донское побоище», как называли ее современники. Грандиозное сражение закончилось неслыханным до тех пор поражением ордынцев. Мамаева орда фактически прекратила свое существование.

Источники, хотя и по-разному, отмечают роль Владимира Серпуховского в событиях, предшествовавших сражению, и в самой битве. Участие в ней, несомненно, самая значительная веха в биографии этого удельного московского князя. Если о роли Дмитрия Донского в организации защиты Русской земли от нашествия Мамаея и побе-

²⁵ Там же, стб. 138; т. XVIII, стр. 129.

²⁶ В. Д. Назаров. Русь накануне Куликовской битвы. «Вопросы истории», 1978, № 8, стр. 112—114. Автор почему-то упустил свидетельство ростовского летописца о битве (ПСРЛ. Т. I. Л. 1926—1928, стб. 536). Неясно также, на каком основании записи в новгородском летописании В. Д. Назаров считает современной событию.

²⁷ ПСРЛ. Т. XV. Вып. I, стб. 110.

²⁸ «Повести о Куликовской битве». М. 1959, стр. 10.

де на Куликовом поле достаточно известно²⁹, то место Владимира Андреевича в этих событиях определено еще не вполне точно. Многие рассказы о битве даже XV в. затушевывают его роль³⁰. Между тем князь Владимир был весьма заметной фигурой в историческом сражении. Об этом свидетельствует запись в документе того времени: «А что князь великий Дмитрий и братъ, князь Володимерь, билися на Дону с татари»³¹. В глазах современников Владимир был вторым после Дмитрия действующим лицом в битве.

Возглавив полк правой руки (основным, «великим» полком командовал великий князь), Владимир Андреевич принял участие и в разработке плана сражения, подготовке битвы и расстановке военных сил. «Сказание о Мамаевом побоище» сообщает, что Владимир помогал Дмитрию «уряжать» войско перед битвой: «Начат князь великий Дмитрей Иванович з братом своим князем Владимиром Андреевичем и с литовьскими князи Андреем и Дмитреем Вольгордовичи до шестаго часа плъци учрежати»³². А более ранняя «Задонщина», созданная, по мнению М. Н. Тихомирова, до 1393 г., приписывает «уряжение полчное» вообще одному Владимиру Андреевичу: «Что шумит, что гримит рано пред зарями? Князь Владимир Андреевич полки устанавливает и пребирает и ведет к Дону великому»³³. Из этих свидетельств вытекает, что Владимир участвовал, говоря современным языком, в разработке диспозиции сражения.

По решению Дмитрия Ивановича полк правой руки во главе с князем Владимиром Серпуховским и Дмитрием Михайловичем Воброком-Волынским укрылся в засаде несколько выше по Дону от места основного боя³⁴. Именно этот засадный полк решил исход сражения, начало которого сложилось в пользу Мамаея. «И нукнув князь Владимир Андреевич с правые руки на поганого Мамаея с своим князем Волынским, 70-ю тысящами, гораздо скакаше по рати поганым, златым шеломам посвечиваше», — в такой поэтической форме описано в «Задонщине» решающее вступление в битву этого полка³⁵. Видимо, на заключительной стадии боя Владимир Андреевич принял на себя командование всей русской ратью. Ведь великий князь Дмитрий, вступив в сражение³⁶, был контужен и не мог продолжать руководить полками. Из остальных же князей старшим по своему положению был Владимир, к которому и должно было перейти «водство» воев. Впрочем, это явствует и из источников. Различные редакции «Сказания о Мамаевом побоище» сообщают, что «князь же Владимир Андреевич ста на костех под черным знаменем» и что именно он повелел отыскать на поле битвы Дмитрия Донского³⁷. Сбирать войска после боя и отдавать распоряжения мог только командующий. Возможно, что в сложной обстановке сражения Владимир проявил нетерпение, когда пытался раньше времени ввести в бой свой засадный полк, но победа осталась за Русью, и свои прозвища «Донской» и «Храбрый» Владимир Серпуховский получил по праву.

Не раз еще вставал Владимир Андреевич на защиту Русской земли. Добивший Мамаея и объединивший Орду Тохтамыш в августе 1382 г., скрытно переправившись через Оку, обрушился на Московское княжество. Появление хана близ столицы ока-

²⁹ М. Н. Тихомиров. Куликовская битва 1380 г. «Вопросы истории», 1955, № 8.

³⁰ О приуменьшении роли Владимира в событиях 1380 г. в «Сказании о Мамаевом побоище» пишет Л. А. Дмитриев («Повести о Куликовской битве», стр. 429—430). В летописных рассказах о Куликовской битве примерно с 60-х годов XV в. прослеживается тенденция опускать имя Владимира Андреевича (ПСРЛ. Т. XXIII. СПб. 1910, стр. 124—127; т. XXV. М.-Л. 1949, стр. 201—206; ср. т. VI. СПб. 1853, стр. 90—98; т. IV, ч. I. Вып. I. Пгг. 1915, стр. 310—320; вып. 2. Л. 1925, стр. 321—325). Возможно, что эта тенденция существовала ранее.

³¹ ДДГ, № 10, стр. 30.

³² «Повести о Куликовской битве», стр. 62, 96.

³³ Там же, стр. 12.

³⁴ Об этом сообщает «Сказание о Мамаевом побоище»: «И отпусти князь великий брата своего князя Владимира Андреевича вверх по Дону в дуброву, яко да тамо утаится полкъ его» (там же, стр. 66, 97).

³⁵ Там же, стр. 14.

³⁶ Об этом сообщают «Летописная повесть о побоище на Дону» и «Сказание о Мамаевом побоище» (там же, стр. 37, 69—70).

³⁷ Там же, стр. 72, 103, 150. В Забелинском списке есть интересное добавление: «под черным знаменем великого князя Дмитрия» (там же, стр. 198).

залось неожиданным для Дмитрия Донского и Владимира Храброго. Дмитрий вместе с семьей вынужден был искать пристанища в Костроме, надеясь в этом дальнем городе собрать силы для отпора врагу. Глава русской церкви митрополит Киприан укрылся в Твери. Князь Владимир отослал мать и жену в Торжок, а сам решил отсидеться в Волоке Ламском. Москва осталась без правительства, но население энергично готовилось к отпору. 23 августа Тохтамыш подступил к Москве, а 26 августа, дав лживые обещания оборонявшимся, захватил столицу. Город был подвергнут жесточайшему разгрому. Население было перебито или уведено в рабство. Все, что можно было разграбить, разграблено, а что нельзя, сожжено. Именно в 1382 г. в Москве стorerело громадное количество книг. Их приносили из подмосковных сел и церквей, стоявших вне Кремля. Рукописи были сложены в кремлевских соборах, и все они погибли в огне — невосполнимый урон для древнерусской культуры. Взяв Москву, Тохтамыш разослал отряды к другим русским городам. Некоторые из них также были захвачены ордынцами. Но когда последние подступили к Волоку Ламскому, то Владимир дал им отпор. «Пострашены и биты», они вернулись к хану. Узнав о проигранном бое под Волоколамском, Тохтамыш ускорил свой отход из русских земель.

На некоторое время наступил мир. Но в 1385 г. рязанский князь Олег неожиданно напал на Коломну. Захватив много золота, серебра и «товара всякого наивмвсая», Олег ушел «в свою землю съ многою корыстию»³⁸. Дмитрий Донской послал против Олега большое войско под командованием князя Владимира. Но рязанцы оказали сильное сопротивление. Владимир так и не смог осилить их. Лишь дипломатическое вмешательство пользовавшегося большим влиянием на Руси игумена Сергия Радонежского привело в конце 1385 г. к заключению вечного мира между Рязанью и Москвой. Примерно через год Владимир Андреевич снова «вступил в стремя»: новгородцы пограбили людей великого князя на Волге, и теперь Дмитрий Донской вместе с двоюродным братом шел войной на Новгород Великий. Однако до кровопролития дело не дошло. В 30 верстах от города московские полки встретила делегация новгородских горожан во главе с архиепископом. Послы «ударил челом» великому князю Дмитрию и предложили 8 тыс. руб. в возмещение убытков. Москвичи согласились, и мир был восстановлен.

Зато серьезному испытанию подверглись в скором времени отношения между самими московскими князьями. До конца 80-х годов XIV в. Дмитрий и Владимир действовали сообща, вместе отражали врагов, делили ратные труды, вместе переживали опасности литовских, тверских, ордынских и рязанских «изгонов». В 1384 г. серпуховский князь даже «кончал за брата своего за князя Дмитрея Ивановича» договор с Андреем Ольгердовичем Полоцким³⁹. Тем неожиданнее кажется сообщение московского летописца о том, что в начале 1389 г. «бысть розмирне князю великому Дмитрию Ивановичю с князем Володимиром Андреевичем»⁴⁰. Старейшие бояре князя Владимира были арестованы и сосланы в различные города. Историки долго пытались найти причину неприязни, возникшей между князьями⁴¹. И только Л. В. Черепнин сумел разрешить загадку. Выяснилось, что Дмитрий Донской отнял у Владимира Дмитров и Галич, которыми тот владел с 70-х годов XIV века⁴². Конфликт был улажен через несколько недель, а 19 мая 1389 г. Дмитрий Донской умер. Дмитров и Галич перешли к его сыновьям.

Судя по тексту соглашения Дмитрия с Владимиром, последний не получил компенсации за отобранные у него земли⁴³. И когда на великое княжение вступил старший сын Дмитрия Донского Василий, серпуховский князь затеял против него интригу. В конце лета 1389 г. Владимир Андреевич вместе с семьей и старейшими боярами выехал из Москвы в Серпухов, а оттуда направился в Торжок, под защиту Новгорода Великого, с которым у него давно установились приятельские связи. Летописец сообщает, что, отъехав в Торжок, князь Владимир избрал своей резиденцией с. Те-

³⁸ ПСРЛ. Т. XV. Вып. I, стб. 150; т. XVIII, стр. 135.

³⁹ Л. В. Черепнин. Указ. соч. Ч. I, стр. 50—51.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. XV. Вып. I, стб. 155; т. XVIII, стр. 138.

⁴¹ Обзор их мнений см. А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период. Т. II. СПб. 1891, стр. 300.

⁴² Л. В. Черепнин. Указ. соч. Ч. I, стр. 40—41.

⁴³ ДДГ, № 11, стр. 40—41.

ребеньское⁴⁴. Это село стояло на границе новоторжских волостей с Тверским княжеством. Расположившись в непосредственной близости от владений злейшего недруга московских великих князей Михаила Тверского, Владимир давал понять молодому Василию, что возможен крайне неприятный для него союз московского удельного князя с тверским. Василий Дмитриевич, посадивший было во владениях серпуховского князя своих наместников, вынужден был искать пути к примирению. В начале января 1390 г. между ним и князем Владимиром был подписан договор, согласно которому вместо Дмитрова и Галича Владимир Андреевич получал волоколамские волости и Ржеву⁴⁵. Таким образом, серпуховскому князю передавались земли, граничившие с новгородским Волоком Ламским. Тут возможны были порубежные конфликты, следовательно, дружба Владимира с Новгородом могла быть нарушена. Кроме того, на Ржеву претендовали Литва и Тверь, и Владимиру, естественно, трудно было поддерживать с ними хорошие отношения. Уступки великого князя вели, следовательно, к политической изоляции удельного князя от Новгорода, Твери и Литвы. Это, видимо, понял и Владимир Андреевич. В дальнейшем его «единачество» с Василием Дмитриевичем уже не нарушалось.

Первой серьезной акцией князя Владимира при новом великом князе был поход во главе московских войск на новгородский Торжок. Новгород отказался выплатить церковные подати митрополиту Киприану, и Василий, дорожа союзом с главой русской церкви, направил в феврале 1393 г. против новгородцев полки. Общее командование было поручено Владимиру Андреевичу. Московская рать повоевала не только территорию Торжка, но и те волоколамские волости, которые принадлежали Новгороду. Военные успехи Владимира Храброго предопределили исход конфликта. Новгород был вынужден смириться. Через два года Владимир вновь облачился в доспехи. К границам русских земель приблизился Тамерлан, и на Руси готовились к отпору. Великий князь Василий занял оборону вдоль Оки. Владимир же Серпуховский остался в Москве готовить город к осаде. Однако Тамерлан, только что одолевший Тохтамыш, не решился выступить против объединенных сил русских князей и, опустошив южные окраины Рязанского княжества, ушел на восток.

После 1395 г. имя серпуховского князя надолго исчезает со страниц летописных сводов. Это не означает, однако, что Владимир Андреевич исчез с политической арены. Сохранившиеся от конца XIV и начала XV вв. договорные грамоты Москвы с Тверью и Рязанью по-прежнему упоминают князя Владимира на втором месте среди московских князей, сразу же после великого князя. И в духовной грамоте, составленной между 16 сентября 1406 и 7 июня 1407 гг., великий князь Василий на первом месте среди тех, кто в случае его смерти должен был взять на себя заботу о его семье, называет Владимира⁴⁶. Все это свидетельствует о сохранении высокого положения Владимира Храброго между князьями московского дома.

Значительная роль Владимира Андреевича ярко обрисовалась в событиях 1408 года. После набега Тохтамыш в 1382 г. Орда долгое время не предпринимала крупных военных акций против русских земель. Василий Дмитриевич старался жить с ханами в мире. Мало того, воюя с литовским великим князем Витовтом, он неоднократно призывал на помощь ордынцев. Последние этим и воспользовались. Когда в сентябре 1408 г. Витовт и Василий, приведшие было рати к р. Угре, решили закончить дело миром и распустили воев, бывшие с московским князем татары сообщили об этом одному из крупных ордынских феодалов — Едигею. Узнав, что русские полки разошлись по домам, он решил использовать сложившуюся ситуацию. Собрав значительное войско, Едигей двинулся на Русь. Чтобы как-то объяснить свое неожиданное появление близ русских пределов, он отправил послов к Василию, уверяя, будто сам хан выступил походом на Литву, желая наказать ее за нападения на его союзника — московского князя. В Москве с трудом, но привыкли к ордынскому коварству. Речь послов вызвала недоумение, и князья решили проверить ее. К Едигею был послан небольшой отряд, который должен был разузнать об его истинных намерениях. Только что распущенные полки московские князья решили не собирать до полу-

⁴⁴ ПСРЛ. Т. XV. Вып. I, стб. 157; т. XVIII, стр. 139.

⁴⁵ ДДГ, № 13, стр. 37.

⁴⁶ Там же, №№ 15, 19, 20, стр. 40—43, 52—57.

чения точных вестей. Но едва русский отряд прибыл к Едигею, тот приказал взять его под стражу и ускорил движение к Москве. До города оставалось совсем немного, когда Василий Дмитриевич узнал о нависшей беде.

Не успев приготовиться к отпору, великий князь вместе с женой и детьми спешно отъехал в Кострому. Оборону Москвы возглавил Владимир Андреевич. По решению его и севших с ним в осаду князей и бояр все постройки близ наружных крепостных стен были сожжены. Этот шаг был необходим. Подошедшие к вечеру 30 ноября к Москве ордынцы увидели пепелище вокруг Кремля. В условиях наступавшей зимы осаждавшие лишались возможности укрываться в домах. Не могли они использовать их и как прикрытие при штурме крепости. Поэтому Едигей разбил свой стан в с. Коломенском. Когда ордынцы пытались приблизиться к Кремлю, оборонявшиеся встречали их стрелами и стрельбой из пушек и пищалей. Тогда Едигей решил взять Москву измором. Однако трехнедельная осада не принесла ему успеха. Получив с москвичей откуп в 3 тыс. руб., Едигей вернулся восвояси. Оборона Москвы от Едигея была последним крупным делом князя Владимира Серпуховского. В мае 1410 г. он умер⁴⁷.

Видимо, незадолго до кончины Владимир Андреевич составил духовную грамоту — завещание и одновременно политический наказ своим наследникам. Этот документ показывает, как изменился удел серпуховского князя к концу его жизни. Если отец Владимира князь Андрей имел 11 волостей и 10 сел, то владения Владимира Андреевича в начале XV в. состояли из 49 волостей, 17 слобод, 44 сел и двух городов — Городца и Углича с относившимися к ним территориями⁴⁸. Кроме того, Владимиру Андреевичу принадлежали в Москве двор в Кремле, а за его стенами — большой двор на берегу р. Москвы, в живописном месте «на трех горах», там, где теперь находится «Трехгорка». Видимо, этот двор был постоянной московской резиденцией серпуховского князя. Двор обслуживали жители расположенного неподалеку с. Кудрина (теперь на месте этого села — площадь Восстания). К Кудрину тянулись многочисленные деревеньки, которые стояли близ современных Никитских ворот, Новинского переулка и Ленинградского проспекта. Помимо названных дворов, сел и деревень, Владимиру принадлежали в Москве и другие дворы, а также сады, мельницы и различные угодья. По размерам своих владений Владимир Андреевич, вероятно, превосходил даже тверского великого князя.

Защитник интересов московского княжеского дома, Владимир боролся рука об руку с великими князьями за подчинение Москве других княжеств, участвуя при этом в дележе захваченных городов и волостей. До поры до времени великокняжеская власть шла на такой раздел. Ведь при создании единого Русского государства, кроме внутренних вопросов, приходилось решать и много внешнеполитических проблем. Главной из них была борьба за освобождение от ордынского ига. И Владимир Андреевич храбро сражается с полчищами Мамай на Куликовом поле, дает отпор отрядам Тохтамыша, обороняет Москву от Едигея. Что касается действий Владимира во внутренних событиях, то здесь он часто выступал как типичный феодальный правитель, немилостивый к побежденным, корыстный в своих устремлениях. Таким неоднозначным предстает перед нами Владимир Серпуховский, человек, сыгравший заметную роль в истории Руси второй половины XIV — начала XV века.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. XVIII, стр. 159.

⁴⁸ Городец и Углич были даны Владимиру в начале XV в. великим князем Василием вместо волоколамских волостей и Ржевы (ДДГ, № 16, стр. 43).